

ВОСПОМИНАНИЯ Э.М. ЧОППА: ПРАВДА В СТИЛЕ СОЦРЕАЛИЗМА

Аннотация: Эмилий Михайлович Чопп – участник Первой мировой войны, а также Революции и Гражданской войны в России. В своих воспоминаниях, написанных и опубликованных в 1950-х годах, он решал политические и пропагандистские задачи, конструировал собственную революционную биографию. Комплекс документов Э.М. Чоппа изучается, для того чтобы понять приёмы мемуариста, а также причины недоверия к нему, вызвавшего масштабную проверку правдивости его биографии. Затрагивается вопрос о принадлежности изучаемых исторических источников к числу эго-документов.

Ключевые слова: Э.М. Чопп, Л.Д. Троцкий, Челябинск, Сербия, Первая балканская война, революция, иностранцы, Первая мировая война, Гражданская война, мемуары, НКВД, репрессии, историческая память, эго-документы.

Об авторе: Сергей Александрович Кусков – кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Объединённого государственного архива Челябинской области. Адрес: 454000, г. Челябинск, Свердловский проспект, 30 А. E-mail: kuskov_1981@mail.ru

Несмотря на то, что после начала Великой российской революции прошло уже сто лет, общественный консенсус о тех событиях отсутствует. Такая ситуация возникла вслед за сломом советской историографической традиции. На региональном уровне из-за недостаточной сохранности исторических документов периода революции и Гражданской войны особенно остро ощущается неизбежная необходимость привлечь массив исторических работ и мемуарных источников, созданных под влиянием советской идеологии и по заказу коммунистической партии. Однако использование мемуарных источников без их кропотливой интерпретации и проверки может девальвировать

научные результаты.

Если на всероссийском уровне такая проверка облегчается привлечением новых исторических источников, а также рассекреченных советских документов и ставших доступными эмигрантских мемуаров, то на региональном и локальном уровне эта возможность имеется далеко не всегда. Это выдвигает задачу по классификации и изучению основных приёмов, использовавшихся в мемуарных текстах советского периода. Таким образом, мемуары участников революции и Гражданской войны, созданные в 1950-е – 1960-е гг., нельзя отбросить, и невозможно использовать без критического осмысления.

В качестве объекта для исследования я избрал мемуары Эмилия Михайловича Чоппа (1893–1969) [16]. В Россию он прибыл, будучи сербским военным служащим. В ходе же Гражданской войны примкнул к красным. В Советской России его карьерный рост остановился на уровне командира батальона, на каком-то и замер, несмотря на многочисленные перемены должностей и постов. Тем не менее, в результате партийных чисток 1920-х – 1930-х гг., а также благодаря «революционным заслугам» бывшего командира первых красногвардейских отрядов, при выходе на пенсию Э.М. Чопп получил статус пенсионера союзного значения. С 1919 года он проживал в г. Челябинске. Здесь он женился (имел жену и приёмную дочь), руководил батальоном ЧОН, работал в милиции, в 1938 году был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Латвии, но был выпущен на свободу в ходе первой «бериевской» реабилитации. После выхода на пенсию Э.М. Чопп работал над мемуарами, проводил встречи с учащимися, а также в трудовых коллективах [14:341, 342].

В 1979 году, через десять лет после смерти Э.М. Чоппа, Челябинский горисполком назвал в его честь короткую улицу в районе новой застройки [15:293]. На стене дома по адресу г. Челябинск, улица Чоппа, дом № 2 размещена мемориальная доска [13]. Чопп никогда не был на улице имени себя, ни в доме, на стене которого прикреплена его мемориальная доска. Краткая био-

графическая статья о Э.М. Чоппе опубликована в энциклопедиях «Челябинск» и «Челябинская область» [14: 341; 4:1014].

Несмотря на публикации в СМИ и статус пенсионера всеобщего значения, Э.М. Чопп может быть отнесён к историческим деятелям второго плана. Он не имел административного ресурса для привлечения «литературных негров» и при написании мемуаров был вынужден справляться собственными силами. Воспоминания Э.М. Чоппа небольшие по объёму, что оставляет максимум возможностей для проверки достоверности упоминаемых в них фактов, а также прояснения того, о чём автор предпочёл умолчать. Воспоминания Эмилия Михайловича имеются в нескольких вариантах. Один опубликован под названием «Зарубежные революционеры в Гражданской войне в России» в составе сборника воспоминаний участников Гражданской войны [16]. Помимо этого в фондах Объединённого государственного архива Челябинской области сохранилась рукопись Э.М. Чоппа [6].

В фондах Объединённого государственного архива Челябинской области сохранился большой массив источников о деятельности Э.М. Чоппа. Помимо партийного [10], партизанского (как бывшего красноармейца) [12], судебно-следственного дела мне также удалось ознакомиться с результатами расследования Редакционной группы историко-революционной секции при Челябинском краеведческом музее по поводу проверки фактов, изложенных в рукописи Э.М. Чоппа «Незабываемые дни» [5]. Сотрудники музея собрали большой материал (документы судебно-следственного дела за 1938–1940 гг. были им не доступны). Помимо этого в фонде Челябинского ревтрибунала сохранилось «антикоррупционное» дело за 1921 г., когда под следствие попали сотрудники Челябинского губернского военкомата, которые щедро выписывали себе новое обмундирование. Вместе с ними полный комплект обмундирования получил и Э.М. Чопп. Делу этому в Челябинском ревтрибунале не дали хода, но и Эмилия Михайловича касалось оно косвенно, потому он не знал о нём [11:11].

Архивные документы об Э.М. Чоппе были задействованы сотрудниками Челябинского краеведческого музея потому, что его мемуарам не поверили другие старые большевики, участники Гражданской войны. Так, после выхода из печати книги с воспоминаниями Э.М. Чоппа на несоответствие излагаемых событий реалиям революционного времени обратил внимание Григорий Акимович Дегтярь. В феврале 1958 г. он написал в Челябинский горком КПСС письмо, которое завершалось следующими словами: «Что можно сказать и какой можно сделать вывод с автобиографии Э.М. Чоппа и его участия в Гражданской войне? Всё написанное о себе Чоппом во время Гражданской войны – вымысел. Чопп вводит в заблуждение читателя, создавая себе незаслуженную славу. Создаётся впечатление, что Чопп просто аферист и карьерист» [5:197]. Органы партийного контроля должны были прореагировать на поступивший сигнал. Но чтобы проверить факты, изложенные в мемуарах Э.М. Чоппа, требовалось время.

Дальше – хуже. 7 января 1959 года на очередном совещании исторической секции при Челябинском музее с критикой редколлегии сборника воспоминаний «Страницы героического прошлого» выступил старый большевик, пенсионер союзного значения Антон Фёдорович Караваев. Отмечу, что Э.М. Чопп был не только соавтором сборника, но и значился в числе членов редколлегии. Во время выступления А.Ф. Караваева он встал со своего места и предупредил всех выступающих, чтобы были «осторожнее с критикой». А.Ф. Караваев уступил слово другому критику – Г.А. Дегтярю, мнение которого о Э.М. Чоппе спустя год после посылки письма в Челябинский горком партии не могло улучшиться. Выдержав несколько минут его критического выступления, Э.М. Чопп резко встал со своего места и громко, но, не указывая, ни на кого конкретно, произнёс: «Троцкисты...», и вышел из зала. Э.М. Чопп вернулся домой и на секцию больше не приходил. В квартире его на улице Каслинской имелся телефон, в течение недели после данного случая Э.М. Чопп не отвечал на телефонные звонки [5:198]. В случив-

шемся инциденте в ответ на обвинение в обмане Э.М. Чопп ответил политическим обвинением. Зафиксируем, что в 1959 году обвинение в троцкизме оказало деморализующий эффект на критиков. Не деньги, образование или деловые качества, а «правильная» биография и советская идентичность были главным капиталом Э.М. Чоппа. Для иностранца они были входным билетом в круг советской элиты. Для нас же ключевым является вопрос о причинах неправдоподобия мемуаров Э.М. Чоппа. Причинами такой искусственности в советской мемуаристике могли быть: 1) полная фальсификация текста; 2) изъятие сведений об участии в деятельности, составляющей государственную тайну; 3) плохое владение словом; 4) авторское стремление подогнать реальность под заданный канон.

Проверка правдивости воспоминаний Чоппа проводилась по инициативе комиссии партийного контроля под видом исследования Челябинского краеведческого музея. Было выявлено более 30 расхождений в автобиографии Э.М. Чоппа. Часть этих расхождений при внимательном рассмотрении связана с недостаточным знанием провинциальными экспертами истории Восточной и Центральной Европы. Например, как это города Сень и Фиуме оказались в разных государствах, если они в Австро-Венгрии? Однако место рождения Э.М. Чоппа – окрестности г. Сень – находилось на территории Венгерской части государства «Транслейтании», а место учёбы, г. Фиуме – в австрийской части, в «Цислейтании». Поэтому для поступления на учёбу Э.М. Чоппу действительно пришлось пересечь границу двух этих государств.

При проверке биографии Чоппа пришлось челябинским музейщикам обратиться и к ботанике. Мемуарист рассказывал, что «для помощи голодающим Поволжья» его «полк нередко собирал клюкву в болотах, разгребая полуметровый снег, чтобы добраться до неё. Ягоды посылали голодающим». Сотрудники музея уточнили, что клюкву собирают до выпадения снега, а в месте дислокации его полка не имелось клюквенных мест [5:40].

Для проверки выявленных противоречий были разосланы запросы в архивы. Но на основании собранных материалов не удалось уточнить дату появления Э.М. Чоппа в России, а также обстоятельства его ухода из сербской армии, не находили логического объяснения его метания по стране в период Гражданской войны. Но всё-таки в архивах нашлись упоминания об его участии в Гражданской войне. Сотрудники музея не смогли составить непротиворечивую биографию Э.М. Чоппа, зато их партийные кураторы убедились, что факты участия его в Гражданской войне на стороне красных всё же подтверждаются. Э.М. Чопп сохранил своё общественное положение.

Думается, что источником большинства разночтений в документах был сам Э.М. Чопп, поскольку ранние документы, содержащие биографические сведения о нём, были написаны с его же слов. Что не удивительно, так как он был иностранцем. Фиксации особенностей мировоззрения, рефлексии пройденного пути в Советской России от молодого серба не требовали, нужно было заполнять формуляры, анкеты и прочее. При анализе анкет, трудовой книжки, послужной карточки Эмилия Михайловича бросаются в глаза многочисленные разночтения. Но при их внимательном рассмотрении подозрения в фальсификации рассеиваются: в годы Гражданской войны Э.М. Чопп менял место службы в среднем каждые 2 месяца, в 1920–1938 гг. он обычно держался на одном месте от полугода до года. После ареста и освобождения в 1940 г. вплоть до выхода на пенсию Э.М. Чопп менял работу каждый год. Дневник он, по всей видимости, не вёл, а память о подробностях карьерной круговерти неизбежно давала сбой. Потому хронологические неточности у него были много заметнее, чем у товарищей с более спокойной трудовой биографией. Также можно предположить, что его автобиография, послужная карточка, другие документы были использованы в качестве опоры для создания развёрнутого текста мемуаров. Над рукописью Э.М. Чопп работал несколько лет, неоднократно её дополнял, при этом излагаемые события не

только в разных вариантах у него «ездили» хронологически, но и значительно видоизменялись.

Между тем противоречивость и некоторые несообразности в воспоминаниях Э.М. Чоппа свидетельствуют в пользу их подлинности, поскольку участники событий Гражданской войны не имели возможность объективно их оценивать. «Туман войны» охватывал подавляющую часть реальности, что не могло не исказить её восприятие. В качестве примера такого искажённого восприятия могу привести описание гибели «в борьбе с бандитами» Михаила Гербанова, «самого близкого друга» Э.М. Чоппа [16:166]. В информационной сводке Челябинской губернской ЧК за 1–16 сентября 1920 г. сообщалось, что заведующий Троицким политбюро Гербанов проводил дознание и аресты «укрывателей дезертиров». Получив донесение, он приехал в станицу Брединскую. «Приехав на место, он заехал в исполком, где стал спрашивать председателя. В это время поселок Бреды уже был занят зелеными, но тов[арищ] Гербанов по видимому не подозревал этого и поэтому стал настойчиво требовать поселкового председателя у стоявших в здании граждан. Последние вместо ответа только засмеялись и ничего ему не сказали. Тогда он, не желая долго разговаривать, вышел на улицу стал ждать около исполкома. Через некоторое время к нему подъехал конный с винтовкой и, направив ее на тов. Гербанова, стал требовать оружия у последнего. Тов. Гербанов, не растерявшись со своей стороны, стал просить у него мандат на право проверки документов. Конный развернулся и уехал в свой штаб. Тогда тов. Гербанов обратился к гражданам, стоящим здесь, и спросил: «Кто это?». Ему ответили: «У нас власть зеленых». Тут он понял все и попытался сбежать из поселка, но в это время уже на него скакали верховые человек пятнадцать» [9:52]. Мы можем только догадываться, как всю эту историю интерпретировал бы сам чекист М.Л. Гербанов, если бы сумел спастись от повстанцев.

Сведения о деятельности Э.М. Чоппа в период революции и Гражданской войне, относившиеся в 1950-х гг. к государ-

ственной тайне, выявить не удалось. Засекреченная страница его биографии касалась ареста в 1938 году. Тогда в его устоявшуюся жизнь, не лишённую определённого комфорта и житейских радостей (Э.М. Чопп был заядлым охотником и рыболовом: во время обыска из квартиры изъяли винтовку, охотничье ружьё, 2 кг пороха, 2 тыс. капсюлей, 20 кг дробы). Весной 1938 г. Э.М. Чопп уже девятнадцатый год жил в Челябинске. Здесь он женился, имел дочь (приёмную). Долгое время он служил в милиции г. Челябинска, где занимал разные должности уровня заместителя начальника. 31 марта 1938 г. челябинские чекисты согласовали арест Э.М. Чоппа с начальником ГУГБ НКВД М.П. Фриновским, а 8 апреля провели арест.

Следствие по делу о шпионаже, начатое в апреле 1938 г., длилось до марта 1940 года. В течение 1937 г. следователи НКВД расследовали дело о латвийской шпионской сети. Один из обвиняемых по этому делу оговорил всех, у кого были иностранные фамилии, вспомнилась ему и фамилия Чопп, однако имя отчество новоявленного латышского шпиона он сообщить не сумел. Поэтому в Челябинск пришло предписание на арест «Ивана Ивановича Чопп».

На первом допросе Эмилий Михайлович заявил, что он по национальности серб, а не латыш, что долгое время служил в сербской армии, и для шпионажа в пользу буржуазной Латвии у него причин нет. Так едва начавшись, расследование стало в тупик. Тогда следователь придумал версию шантажа как способ вербовки. Но ему ещё нужно было измыслить предмет для шантажа, так как компромата на Э.М. Чоппа не имелось. А что если Э.М. Чопп скрыл какой-то факт из своей биографии, и не сообщил его товарищам по партии? Судьба арестованного, и перспективы обвинительного приговора зависели от возможности следователя фальсифицировать биографию Э.М. Чоппа.

Следователь, сержант государственной безопасности, выбрал самый невероятный с его точки зрения факт биографии Э.М. Чоппа. Ему нужно было добиться от Чоппа признания, что этот факт фальсифицировал – и тогда схема для обвинения го-

това: латвийский резидент узнаёт, будто серб Чопп скрыл от товарищей по партии часть своей биографии и посылает своего эмиссара, который менее чем за полчаса вербует полностью лояльного советскому государству работника милиции. Следователю требовалось любыми средствами «доказать», что «Иван Иванович Чопп» – агент латвийской разведки. Э.М. Чопп упорно защищался и отказывался оговорить себя. Его допрашивали ночами и не давали спать, а он показания не менял. Тогда его перевели в камеру к уголовникам, которым сообщили, что с ними находится начальник милиции. В камере с 85 уголовниками Э.М. Чопп провёл три дня. Но и после этого Эмилий Михайлович защищал правду о себе. Сogleдателяи в этой камере докладывали, что Э.М. Чопп не сломлен и рассказывает своим соседям об обстоятельствах своего дела. Только после перевода в другую челябинскую тюрьму, где использовались систематические избиения по его словам он «не выдержал и стал всё на себя писать».

Осенью 1938 г. следователь, добившись, наконец, самоговора, официально «констатировал», что «в процессе следствия установлено, что Чопп Э.М. с 1934 г. является агентом латвийской разведки, передавал сведения о строительстве заводов № 78 и 114. Наряду со шпионской деятельностью Чопп проводил подрывную деятельность в милиции, не очищал аппарат милиции от социально чуждого и разложившегося элемента».

Для характеристики фальсифицированной следователем биографии Э.М. Чоппа обратимся к первоисточнику. Из допроса Э.М. Чоппа от 13 сентября 1938 г.:

Следователь: В этой же автобиографии вы указываете, что поступили на военную службу. В какую армию вы поступили?

Чопп: В сербскую.

Следователь: Это не может быть. Жили на территории Австро-Венгрии, а поступили в Сербскую армию. Дайте правильный ответ.

Чопп: Я признаю, что хотел солгать. В 1912 г. в городе Сень я вступил добровольно в австро-венгерскую армию и служил в ней до августа 1915 г.

Следователь: Значит, вы скрывали свою службу в австро-венгерской армии?

Чопп: Да скрывал.

Следователь: Почему вы это сделали?

Чопп: Я не хотел говорить о своей службе в австро-венгерской армии, так как иначе мне пришлось бы говорить о том, как я попал в Россию.

Следователь: Расскажите сейчас откровенно, как вы попали в Россию?

Чопп: В Россию я попал в 1915 г. как военнопленный австро-венгерской армии.

Следователь: Вы скрывали не только свою службу в австро-венгерской армии, но и то, что были военнопленный?

Чопп: Да. Я должен признать, что на протяжении 20 лет, проживая в России при соввласти, я скрывал свою службу в австро-венгерской армии и то, что в Россию попал как военнопленный. (...) С первых же дней империалистической войны 1914–1918 гг. я вместе с частями австро-венгерской армии попал на сербский фронт, на котором находился до декабря 1914 г. После этого наш полк перебросили на Карпаты против русской армии. В августе месяце 1915 г. весь батальон, в котором я находился, сдался в плен и был направлен в лагерь военнопленных, в Дарницу под Киевом. В сентябре месяце 1915 г. в лагерь приехала комиссия от командования сербской армии с острова Корф[у] и объявила набор в сербские дивизии, создаваемые в России из пленных сербов, хорватов и словен, служивших ранее в австро-венгерской армии. Нам обещали, что по окончании войны мы вернёмся к себе на Родину, которая будет самостоятельным государством – Югославией (...). Таким образом, в сербскую армию я вступил только в 1915 г., а не в 1912 г., и в Россию я попал как военнопленный. Поэтому во всех заполняемых мною анкетах и автобиографиях я тщательно скрывал этот период и никогда подробно не останавливался на этом промежутке, так как в противном случае мне пришлось бы рассказать о своей службе в австро-венгерской армии.

Следователь: Объясните причину, почему вы скрывали свою службу в австро-венгерской армии.

Чопп: Мне сейчас трудно объяснить причину, побудившую меня 20 лет назад начать скрывать своё положение военнопленного (у следователя не хватило фантазии. – *С.К.*). В начале я начал это скрывать от своих знакомых, знавших меня как серба, впоследствии я стал это скрывать от партии, от органов соввласти. Я всегда чувствовал какую-то предубеждённость против военнопленных и став раз на путь обмана, продолжал его, так как, разоблачив себя, я бы создал для себя большие неприятности, которые могли бы отразиться на моём личном благополучии, которого я достиг при соввласти.

Далее в протоколе допроса следователь не касался вопросов биографии Э.М. Чоппа. Я привёл столь большой текст, потому что в нём исчерпывающе дана альтернативная версия биографии Э.М. Чоппа, выдуманная следователем. На первый взгляд она кажется более правдивой, чем мемуары Чоппа. Показательно, что представленная «антибиография» Э.М. Чоппа была сфабрикована гораздо раньше самого первого варианта мемуаров. Тем не менее, оба «художественных» текста роднит не только общность главного героя, но и сюжет. Он касается процесса обретения Э.М. Чоппом новой Родины. Но только в версии следователя процесс социализации «героя» представляется нарушенным безобидной ложью, которая обесценивает все его последующие заслуги перед Советской Россией. В тюремном застенке миф и реальность слились, признание мифа означало превращение Э.М. Чоппа во врага народа, грозило физическим уничтожением. Как страшный и абсурдный кошмар, враждебный Э.М. Чоппу, растаял перед светом здравого смысла. В 1940 г. Э.М. Чопп вернулся домой к семье, он мог успокаивать себя, что Родина разобралась, и ему верят.

Таким образом, за правду о самом себе Э.М. Чоппу пришлось претерпеть пытки и выстрадать в тюрьме более года. Причём правдивость его биографии в её стенах приобретала и политическое и экзистенциальное значение, что, впрочем, могло

впоследствии стать дополнительным стимулом для насыщения его личностной истории элементами героического мифа.

В пользу того, что мемуары Э.М. Чоппа – есть художественная автобиография, попытка создать миф о самом себе, свидетельствует отсутствие рефлексии, мотивация поступков героя не определена. Э.М. Чопп то полностью утрачивает инициативу, подчиняясь воле событий, то ни с кем не советуясь и не получая никаких приказов, решений, рекомендаций единолично принимает решения, контекст которых читателю не совсем ясен. Для примера приведу один из пассажей мемуариста: «Ещё до чехословацкого мятежа мой отряд значительно уменьшился. Часть красногвардейцев я направил для борьбы с дутовщиной на Урале, некоторое количество – на борьбу с басмачеством. С остатком в 90–95 человек расположился я с разрешения местных властей в г. Самаре. В этот же период времени я обратился с воззванием к югославам, проживавшим в России, призывая их выступить для борьбы с надвигающейся контрреволюцией...» [16:164]. В условиях формирования первых отрядов Красной Армии «партизанщина» командиров была осуждаемым, но распространённым явлением. Лидеры таких добровольческих отрядов могли своевольничать в весьма ограниченных масштабах, так как зависели от настроений личного состава [2:53]. Э.М. Чопп не рассказал ни об одном из своих бойцов. А было бы интересно узнать, кто верил свою судьбу этому командиру.

В книге «Страницы героического прошлого» рукопись Э.М. Чоппа была сильно сжата. Прежде всего, были выпущены моменты, которые могли трактоваться не в пользу мемуариста: его доверительное знакомство с дочерью генерала (июнь–август 1917 г.), как он возвращался в Самару после её захвата чехословаками, опущен его диалог с секретарём Челябинского губкома РКП(б) Р.И. Эйхе о переходе на службу в части особого назначения (ЧОН) [5:146]. Зато явно выпячивались любые упоминания о встречах и дружбе с полноправными героями советского революционного мифа: В.В. Куйбышевым, М.В. Фрунзе,

В.И. Чапаевым. Для полного набора в тексте не хватало упоминания о В.И. Ленине и К.Е. Ворошилове, с которыми, по всей видимости, Э.М. Чопп не встречался. Но редакторской «волей» в тексте появилось упоминание, что в 1918 г. Э.М. Чопп узнал о декрете СНК РСФСР от 18 января 1918 г. об организации регулярной Красной Армии, подписанный В.И. Лениным. В текст также было вставлено высказывание К.Е. Ворошилова об Олеко Дундиче [16:164].

Олеко Дундич в конце 1950-х годов являлся одним из самых известных красных командиров, участников Гражданской войны. После выхода советско-югославского фильма «Олеко Дундич» его главный герой по популярности мог сравниться с В.И. Чапаевым. Однако проблема заключалась в том, что они служили в разных полках, и если знакомство у них и было, то недолгое и весьма поверхностное. Читателя же требовалось убедить, что Э.М. Чопп был лучшим и доверенным другом «легендарного героя». Поэтому в рукопись Э.М. Чопп вставляет фрагмент, где пытается на основе общеизвестных биографических сведений об О. Дундиче дать его характеристику. Редактор этот момент опустил, в свою очередь, оставив только упоминание о встрече «старых друзей» в г. Лиски. Через два месяца после выхода из печати мемуаров Э.М. Чоппа в советских кинотеатрах прошла премьера фильма «Олеко Дундич», где давалась совершенно другая трактовка обстоятельств несостоявшегося расстрела Чоппа. В судьбах Э.М. Чоппа и О. Дундича было много общего, одновременно они отказались от службы сербскому королю и остались в изгнании в России, чуть позднее безоговорочно перешли на сторону Советской власти, которой оставались верны до конца своих дней. Ключевое событие в фильме – отказ Олеко Дундича расстреливать четырёх солдат, отказавшихся разгонять демонстрацию трудового народа, обыгрывало реальный факт. В реальности среди пяти приговорённых военнослужащих были и Олеко Дундич и Э.М. Чопп. Только расстрелять их должны были за антивоенную агитацию среди однополчан.

Во время встреч трудовых коллективов со «старым большевиком» Э.М. Чопп имел большой простор для фантазий по мотивам фильма. Один из вариантов его рассказа также оказался среди материалов историко-революционной секции музея. Одна из слушательниц пересказала этот фрагмент так: «Во время беседы с работниками рассказал, как он был приговорён к смертной казни, как его перед расстрелом заставили вырыть себе могилу, но от расстрела его спасли его друзья Дундич со своим отрядом, давшие залп по солдатам, приводившим приговор в исполнение» [5:7]. Этот рассказ – явная фантазия. Согласно его воспоминаниям, ему удалось сбежать до увода на расстрел, а в это время Олеко Дундич тоже был арестован, и Э.М. Чоппу помочь никак не мог.

Художественные фантазии Э.М. Чоппа по поводу собственной биографии не могли быть им записаны в конце 1950-х – в начале 1960-х годов. Сомнения в правдивости его мемуаров глубоко ранили Э.М. Чоппа, и заставляли его быть осторожнее в своих речах.

При всём внимательном и бережливом отношении редактора к сюжетам, связанным с вождями революции, из опубликованного варианта воспоминаний Э.М. Чоппа были вычищены упоминания об Л.Д. Троцком. Между тем о нём Э.М. Чопп вспоминает дважды, и, конечно же, в негативном ключе, тем самым ещё раз обозначая свою лояльность «линии ЦК». Однако насколько же близко свела его судьба с «врагом» Л.Д. Троцким? Во время Первой балканской войны они в 1912 году оказываются в воюющей Сербии. Только Э.М. Чопп в качестве солдата, а Л.Д. Троцкий как военный корреспондент [1:53]. В мае 1917 г. Л.Д. Троцкий приезжает в Россию и начинает легальную политическую деятельность в стране. В это же самое время Э.М. Чопп демонстративно срывает с себя знаки различия сербской армии с криком «остаюсь в России» – поступок политического характера. В 1918–1924 гг. Л.Д. Троцкий занимает пост Наркома по военным и морским делам, а Э.М. Чопп в это время являлся красным командиром.

В своих мемуарах Э.М. Чопп упоминает о приезде Л.Д. Троцкого в Челябинск. Троцкий посещал город дважды в 1920 и 1921 гг., но у Чоппа эти посещения слились в одно. Мемуарист сообщает, что Троцкий также посещал и пос. Челябинские Копи (пос. Челябинские Копи, или Государственные Копи, с 1933 г. Копейск, располагается в 15 км от Челябинска, являлся крупнейшим на Урале центром добычи угля). Рассказывая о посещении Л.Д. Троцким Копейска, Э.М. Чопп вводит дополнительные подробности, наделяя своего антигероя богатырскими физическими и духовными силами: в Копейск Л.Д. Троцкий отправился сразу же, после митинга не на автомобиле, а на лыжах зимой, по заметённой снегом дороге. А добежав до Копейска, пренебрегая отдыхом, Л.Д. Троцкий по рассказу мемуариста провёл ещё один митинг. Э.М. Чопп ни слова не сообщает о своей роли во встречах с Л.Д. Троцким и о своих личных впечатлениях. Это заменено у него сообщением, что Л.Д. Троцкий старался челябинских коммунистов перетянуть на свою сторону, но, якобы, встретил отпор, и никого ему сагитировать не удалось! [5:271].

Такая версия встречи Л.Д. Троцкого была очень удобна Э.М. Чоппу и руководству Челябинской областной партийной организации на рубеже 1950-х – 1960-х гг., но проверки фактами она не выдерживает. На страницах газеты «Советская правда», главного печатного органа Челябинской губернии, сообщалось о приезде Л.Д. Троцкого в феврале 1920 г. Комментируя визит «первого вождя революции», корреспондент буквально захлёбывается от восторга, рассказывая, что его с волнением ждали несколько дней, что челябинские коммунисты были ему очень рады и воодушевлены речью. Но это говорит официальное издание, и, быть может, такая форма сообщения была традиционной данью бюрократической любви к большому начальству? Нет. Л.Д. Троцкого коммунистический актив г. Челябинска принимал очень хорошо. Позднее, в 1926 г., когда Л.Д. Троцкий уже утратил власть, в Челябинск тайно приезжал его приёмный сын [8:12]. В Челябинске он нашёл кров, и его никто не выдал вла-

стям. При этом он проводил групповые политические беседы с коммунистами, которые тогда считались троцкистами. По иронии судьбы Э.М. Чопп в 1926 г. работал в милиции г. Челябинска и, по идее, должен был остановить «врага», который беспрепятственно уехал из города. В том же 1926 г. в отчёте о борьбе с троцкизмом секретарь Челябинской окружной партийной организации констатировал, что до 1925 г. подавляющее большинство коммунистов были последовательными сторонниками Троцкого и только благодаря массовому развёртыванию приёма в партию «сознательных коммунистов» в ходе «Ленинского призыва» это большинство удалось размыть. Для гарантированного достижения этой задачи численность парторганизации в Челябинском округе пришлось увеличить более чем в три раза [7: 8, 9, 15].

Таким образом, в случае с Л.Д. Троцким Э.М. Чопп единственный раз пошёл на фальсификацию фактов. Почему он это сделал? Можно было оговориться, что некоторые поверили Троцкому, но не он. Его партийная биография осталась незапятнанной обвинениями во фракционности и троцкизме. В партийной характеристике, данной ему в 1925 г., говорилось: «Чопп в партийном отношении устойчив. Колебания в сторону от большевизма не наблюдается. Настойчив и выдержан, дисциплинирован в партийном отношении и вообще. В склоках и группировках не участвовал».

Можно было и вовсе умолчать о приезде Троцкого в Челябинск. Но внесение этого сюжета должно было быть идеологическим маркером не только его личной лояльности «линии ЦК», но и Челябинской партийной организации целиком. Наряду с обозначением, или хотя бы названием списка героев, Э.М. Чопп вводит образ антигероя. То есть, Чопп здесь окончательно переходит грань, отличающую жанры воспоминаний и художественной автобиографии. Любопытно здесь также то, что образ Троцкого даётся подробно, воспоминания здесь наиболее детализированы. То есть, о враге Троцком Э.М. Чопп рассказывает гораздо больше, чем о «ближайших друзьях», например об

О. Дундиче или о В. Куйбышеве. При этом обстоятельства визита Л.Д. Троцкого в Челябинск фальсифицируются наиболее явным образом. Если в других случаях мы можем говорить о стремлении выглядеть наиболее выигрышно, или встречаем хронологические ошибки, что в рамках жанра воспоминаний неизбежно и простительно, то этот сюжет полностью фальсифицирован. С внедрением в повествование мифологизированных советской культурой героев революции, через установление с ними соподчинённых связей в их систему внедряется образ Э.М. Чоппа, который как классический мифический герой, практически в одиночку совершает посильные подвиги: ведёт агитационную работу с населением, пишет воззвания, берёт города, формирует полки. Мифологическая картина становится завершённой после внедрения антигероя, демонического врага, хитрого, физически очень сильного, которому противостоят все положительные герои, и он вместе с ними. В мемуарах Э.М. Чоппа «партия» отвергает «антигероя Троцкого». Фактически Л.Д. Троцкий был изгнан из страны и уничтожен много позже, но в своём мифе Чопп как бы спрессовывает время.

Возникает вопрос, насколько личность самого Э.М. Чоппа вписывается в героический миф о самом себе. Известно, что в реальности мифа герой выполняет повеление высшей божественной воли на земле, внося в неё справедливость, меру, законы, вопреки древней стихийности и дисгармоничности. В мифах укрепляется идея страдания героической личности и преодоления трудностей. Героический миф исполняет функцию воспитания полноправных членов племени [3:295, 297]. В нашем случае таким героическим мифом могла быть история революционера, «рыцаря» без страха и колебаний, сознательно ставшего большевиком, успешного красного командира. Попробуем с этой точки зрения разобрать наиболее значимые «революционные заслуги» Э.М. Чоппа, упоминаемые в его воспоминаниях.

Поступок	Характеристика «героя»	Биографический комментарий	Мотивация Э.М. Чоппа ис- ходя из контек-
----------	---------------------------	-------------------------------	--

			ста событий
1. Участие в демонстрации рабочих в г. Фиуме в 1911 г.	Сочувствие рабочим, бунтарский дух	Э.М. Чоппу 18 лет, он из крестьянской семьи, учится в коммерческом училище	Славянофильство, сербский национализм
2. Антивоенная агитация, за что приговорён к расстрелу	Связь с большевиками, антивоенные настроения	Подпоручик Э.М. Чопп был одним из создателей сербского корпуса в России. В 1917 г. он перед строем сорвал знаки различия	Антивоенные настроения
3. Антивоенная и революционная агитация среди крестьян в с. Завадовка	Э.М. Чопп становится российским революционером	В 1959 г. жители Завадовки вспоминали, что Э.М. Чопп отличался от остальных сербских солдат и офицеров дружелюбием и общительностью. Он научился играть на балалайке, пел, общался с деревенской молодёжью	Усталость от войны, стремление к мирной жизни?
4. Участие в формировании «Югославского революционного союза»	Становится участником революционной организации	Во втором полугодии 1917 г. Э.М. Чопп находится на лечении в Киевском госпитале	Э.М. Чопп в условиях неопределённости примкнул к группе своих земляков
5. Спасение режисёра К.С. Станиславского, арестованного украинскими наци-	Борьба с контрреволюцией в Киеве	Югославянский отряд Красной гвардии в первые месяцы 1918 г. занимал-	Борьба с противниками Советской власти

оналистами		ся поддержани- ем обществен- ного порядка на улицах Киева	
6. Командование крупными отрядами	Проявление лидерских качеств, заработан авторитет среди красногвардейцев	Э.М. Чопп в 1918 г. должность командира занимал менее 3 месяцев, летом 1918 г. его отряд был разгромлен	Э.М. Чопп был заместителем командира, вынужден на время возглавить отряд после отъезда командира
7. Взятие г. Полтавы, захват баснословных боевых трофеев (20 пулемётов) и ценностей	Защита Полтавского совдепа	Речь идёт о бое в г. Полтаве весной 1918 г., в воспоминаниях это успешная единственная боевая акция под руководством Э.М. Чоппа, её масштабы преувеличены	Решение о бое принимал Г.И. Чудновский
8. Обращение с воззванием к югославам, проживавшим в России (Самара, 1918 г.)	Решение политической задачи по привлечению югославов на сторону Советской власти	Воззвание было опубликовано в газете Самарского совдепа «Солдат рабочий и крестьянин», подписано Паршиным, С. Ратковым, Э. Чоппом [17:140].	Э.М. Чопп подписал воззвание на правах сотрудника Самарского военкомата.
9. Организация советского подполья в г. Самаре летом – осенью 1918 г.	Причастность к подпольной конспиративной работе	Э.М. Чопп в г. Самаре не таился и жил под своим именем.	В Самаре Э.М. Чоппа знали как члена совдепа, можно было осмотреться и установить связь со сторонниками Совет-

			ской власти
10. Переправа через р. Тобол во главе полка под огнём противника (октябрь 1919 г.)	Участие в боевых действиях по разгрому войск Колчака	В опубликованном варианте мемуаров упоминание о бое удалено, так как переправа проходила в глубоком тылу. Э.М. Чоппу могло привидеться что угодно, так как он заболел тифом	Такого события не имело места
11. Формирование «Коммунистического батальона особого назначения»	Выполнение партийного поручения	Батальон был уже сформирован. Э.М. Чоппу поручили им командовать.	Факт не подтверждается

Как видно из представленной таблицы, во всех выделенных случаях фактографическая основа сохранялась. В большинстве случаев показательно вытеснение простой, житейской мотивации идеологическими государственными целями. Антивоенная агитация и лояльность своей группе мемуаристом представляются в качестве сознательных революционных действий. Перед нами попытка конструирования идеальной биографии. Важной особенностью мемуаров Э.М. Чоппа было отсутствие каких-либо сведений о родителях и семейных влияниях, а также воспоминаний об учёбе. Об участии в войне с Турцией в 1912 г. Э.М. Чопп не вспоминал, равно как и многих последующих бытовых деталях. Метод художественной автобиографии Э.М. Чоппа есть метод социалистического реализма, когда лелеемый фактографический ряд сочетается с искажённым историческим контекстом. Реалистичность излагаемых событий усиливается внедрением элементов героического мифа.

Чётко прослеживается в воспоминаниях и страдательность, жертвенность героя. Э.М. Чопп многократно жалуется на

болезни, причём он страдает то от тифа, то от малярии, при этом сетует на невозможность получения медицинской помощи. Но «герою» не доступны страдания психологического свойства: страхи, горечь утраты близких. Таким образом, обращаясь к воспоминаниям Э.М. Чоппа, мы должны понимать, что имеем дело с мифотворчеством, пусть и основанным на реальных событиях.

Восстановление исторической личности мемуариста и внутренней логики упоминаемых в воспоминаниях событий возможно лишь путём реконструкции исторического контекста. Для чего необходимо использование всех доступных документов, то есть таких документов (в том числе официальных и статистических), на которые наблюдался эмоциональный отклик изучаемой личности.

Итак, Э.М. Чопп родился в Хорватии, но считал себя сербом. Все его рассказы не содержат информации о социальном, культурном, имущественном положении семьи, о политических взглядах родственников. За плечами у Э.М. Чоппа была гимназия и три курса обучения в коммерческом училище в г. Фиуме. В 1912 г. 19-летний недоучившийся студент Э.М. Чопп вступает волонтером в сербскую армию, чтобы освободить славян от векового турецкого владычества. Вольноопределяющийся Чопп в рядах сербской армии встретил начало Первой мировой войны, пережил горечь отступления, эвакуацию на остров Корфу. С Корфу сербские части перебрасывались на Салоникийский фронт. Но их требовалось пополнять, а после оккупации коренных сербских областей войсками Четвертного союза армия лишилась мобилизационного ресурса. Правительство Сербии договорилось с Россией о формировании новых частей из числа военнопленных сербов, хорватов и босняков. Э.М. Чопп попал в состав группы военных, командированных в Россию для работы в лагерях военнопленных. Поскольку Э.М. Чопп был почти кадровым военным, а также уроженцем Австро-Венгрии, он в составе этой группы оказался на Украине.

Дела его в Дарницком лагере для военнопленных шли хорошо, так как многие пленные соглашались служить в сербской

армии. Проблемы начались сразу же после получения приказа об отправке его дивизии на Румынский фронт. Мобилизованные им военнопленные не желали воевать и дезертировали в дороге. Недавно получивший офицерские погоны Э.М. Чопп был ранен в первом же бою и эвакуирован в Одессу. В этот период Э.М. Чопп, переосмысливает свои взгляды, он комфортно себя чувствует в тылу, и возвращаться фронт уже не желает. За время нахождения в пределах Российской империи он хорошо выучивает русский язык, ему нравится общаться с сельской молодёжью. У него имелся своего рода талант к общению, он становится своим для крестьян в селе, в котором дислоцирована его часть.

В мае 1917 г. командование сербского корпуса в России предприняло отчаянные усилия для восстановления боеспособности во вверенных частях. Следовало отсеять из корпуса ненадёжных солдат. Э.М. Чопп не только сам открыто отказался от службы, но и агитировал сослуживцев. За сорванные перед строем погоны и награды Э.М. Чопп был приговорён к расстрелу. Однако командование дивизии, судя по всему, всё же не решилось привести приговор в исполнение, осуждённому организовали побег из-под ареста. Так на третьем десятке лет Э.М. Чопп оказался в чужой стране без профессии, без статуса, без каких-либо внятных жизненных перспектив.

Раненого при побеге Э.М. Чоппа приняли на лечение в Киевский окружной госпиталь. На госпитальном коште Э.М. Чопп получил возможность перевести дух и осмотреться в новой для себя ситуации. Оказалось, что он не один такой дезертир, в Киевских лагерях для военнопленных нашли пристанище многие из его сослуживцев по сербскому корпусу. Они его знали, он для них был своим – неоценимый капитал в период смуты. Отмечу, что в 1917 г. Э.М. Чопп ещё не связывал себя с партийной программой или идеологией большевиков. В 1918 г. из национальных групп пленных стали выкристаллизовываться национальные добровольческие отряды. Присоединение к большевикам никак не противоречило интересам Э.М. Чоппа, но союз с ними происходил не индивидуально, а в составе кор-

порации. В начальный период Гражданской войны основная масса населения сопротивлялась поляризации на враждующие лагеря. В этих условиях иностранцы оказывались наиболее устойчивым силовым компонентом враждующих сторон. Иностранец Чопп отказался от подданства Габсбургам, затем предал сербского короля, но он стал абсолютно лояльным советской власти, как политической и военной силе, при этом познания его о марксизме оставались весьма поверхностными.

Несмотря на длительный срок военной службы и офицерский чин, Э.М. Чопп оказался посредственным военачальником. В составе «интернационального» красного отряда он, скорее всего, исполнял функции комиссара. Он считался специалистом по вербовке добровольцев и, возможно, проходил какую-то подготовку ещё в сербской армии. Благодаря занятию командных должностей, а также работе в Самарском совдепе, Э.М. Чоппу удалось войти в состав советской номенклатуры, что обеспечило ему продолжительную военную и гражданскую горизонтальную карьеру. В 1919 г. состоялся перевод Э.М. Чоппа в Челябинск. По идее он должен был вербовать сторонников в челябинских лагерях для военнопленных, но пленных югославы в городе не оказалось. В Челябинской губернии Э.М. Чопп занимал различные должности в военкомате, затем в составе частей особого назначения борется с повстанческим движением. Характерно, что к челябинским крестьянам, в отличие от украинских, он относился с крайним недоверием.

Во второй половине 1920-х гг. Э.М. Чопп переходит на службу в органы НКВД, но карьера в милиции обрывается в результате ареста в 1938 году. К 1940 г. дело на Э.М. Чопп развалилось, и, освободившись, он служил в различных гражданских учреждениях на руководящих должностях. В годы Великой Отечественной войны он работал руководителем подсобных хозяйств различных предприятий. После выхода на пенсию Э.М. Чопп пользовался почётом и привилегиями пенсионера союзного значения.

После выхода на пенсию Э.М. Чопп получил возможности транслировать элементы своей истории через региональную прессу, в 1958 г. материал о нём публиковался в журнале «Дружба народов». Также на протяжении 1950-х – 1960-х гг. Э.М. Чопп систематически выступал с воспоминаниями. При жизни Э.М. Чоппа публиковались его мемуары, в главной областной газете «Челябинский рабочий» о нём выходили публикации. То есть, он очень серьёзно относился задаче популяризации своей истории, и решал её на разных уровнях: через личные встречи, через прессу, через публикацию мемуаров. Весьма вероятно, что её выполнение было партийным поручением старому большевику. Для коммунистической партии трансляция личной истории Э.М. Чоппа была целесообразной в той мере, в какой содействовала укоренению пролетарского сознания в массах. Чопп вольно или невольно должен был подстраиваться под этот заказ.

Таким образом, перед нами биография успешного иностранца-авантюриста, каких немало осело и процветало в России. Присоединение его к «красным» было результатом не внутреннего развития личности, поборовшей в себе «старый мир», а цепи случайных политических событий. Не является ли это обстоятельство главной тайной, которую постарался скрыть от читателя мемуарист? Чем его безусловная верность компартии, отличается от преданности иностранных офицеров, явленной в службе российским императорам?

Обращение к мемуарам Э.М. Чоппа выявило наличие эго-документов, в том числе: «антибиографии», представленной в его архивно-следственном деле; рукописи «Незабываемые дни»; а также опубликованных воспоминаний «Зарубежные революционеры в Гражданской войне в России». Устные воспоминания Э.М. Чоппа, адаптированные для массового слушателя, записаны не были и для анализа недоступны. Рукопись и опубликованный текст мемуаров по структуре, логике изложения, стилистике идентичны и могут использоваться только вместе.

Воспоминания Э.М. Чоппа как в рукописи, так и в её сжатом опубликованном варианте представляют собой усечённую, переработанную биографию. Сюжеты политизируются автором. То, что остаётся политически нейтральным оказывается вредно и отсекается. В период с 1917 по 1919 год историческое пространство сжимается, а время насыщается событиями. Оставшийся после отбора материал отражает революционную деятельность мемуариста. Его связи с большевиками удревняются. Основное средство художественного преобразования текста – изменение контекста, а не фальсификация фактов. В наибольшей степени оказался фальсифицирован сюжет с участием Л.Д. Троцкого, образ которого противопоставляется другим коммунистам.

Особенности мемуаров Э.М. Чоппа – частичное внедрение элементов героического мифа, преувеличение революционной сознательности участников революции и Гражданской войны, камуфлирование случайности присоединения к лагерю сторонников большевиков – могут быть характерны и для других воспоминаний, написанных в 1950-х годах. При их изучении стоит учитывать, что мы имеем дело не только с правдивыми сведениями, но и правдой, усиленной героическим мифом.

Конструирование личностной истории осуществлялось под воздействием господствующего литературно-художественного стиля. Вместе с тем, в силу внешних обстоятельств, процесс внедрения в неё сюжетов и образов массовой советской культуры (например, кинематографа) не получил развития.

Несмотря на сознательное отсечение Э.М. Чоппом многих событий личностной истории, его мемуары выводят исследователя за рамки не только локальной, но и национальной проблематики. Отличительной характеристикой эго-документов представляется не их личное происхождение, а фиксация факта и эмоционального отклика на этот факт со стороны исторической личности.

Э.М.Чопп.

Литература

1. Вишняков Я.В. «Сербская голгофа» глазами русских дипломата и генерала. Исход зимой 1915–1916 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 52-59.
2. Войтиков С.С. Эволюция командного состава Красной Армии в 1919-1921 гг. по документам Л.Д. Троцкого // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 46-57.
3. Герой // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. «А-К». М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 294-297.
4. Моисеев А.П. Чопп Эмилий Михайлович // Энциклопедия «Челябинск», Челябинск: «Каменный пояс», 2001. С. 976, 977.
5. ОГАЧО, Ф. П-288-к, Оп. 2. Д. 196. Л. 1-294.
6. ОГАЧО, Ф. П-288-к, Оп. 2. Д. 110. Л. 1-46.
7. ОГАЧО, Ф. П-75. Оп. 1. Д. 474. Л. 1-28.
8. ОГАЧО, Ф. П-75. Оп. 1. Д. 562. Л. 1-91.
9. ОГАЧО, Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 1-81.
10. ОГАЧО, Ф. П-77. Оп. 2. Д. 168. Л. 1-20.
11. ОГАЧО, Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 43. Л. 1-34.
12. ОГАЧО, Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 578. Л. 1-4.
13. Памятные доски Тракторозаводского района Челябинска [Электронный ресурс] // Архиват РФ. URL: http://архиват.рф/sv_doski/trak_r/1_v_trak_hopp.htm. (Дата обращения: 07.06.2016).
14. Семенов А.И. Чопп Эмилий Михайлович // Челябинская область: энциклопедия в 7 т. Т. 7. Челябинск: «Каменный пояс», 2008. С. 341-342.
15. Справочник улиц г. Челябинска / ООО «ЮжУралБТИ». Челябинск: «издательский дом Кирьянов», 2007. 315 с.
16. Чопп Э.М. Зарубежные революционеры в гражданской войне в России // Страницы героического прошлого. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны на Южном Урале. Челябинск: «Челябинский рабочий», 1958. С. 160-166.

17. Югославянские пролетарии в рядах Красной Армии // Дружба народов. 1957. № 10. С. 138-140.